

Иван Сученко и Белый Полянин — вариант 1

Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки. На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный, возле него лук толченый; и шли три молодца, зашли да позавтракали, а дальше идут - похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то места, наедались пуще, чем деревенская баба теста! Это присказка, сказка будет впереди.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь на гладком месте, словно на скатерти, сроду не имел у себя детей. Пришел до него нищий. Царь его пытается: "Не знаешь ли ты, что' мне такое сделать, чтоб были у меня дети?" Он ему отвечает: "Собери-ка ты мальчиков да девочек - семилеток, чтоб девочки напрядли, а мальчики выплели за одну ночь невод; тем неводом вели изловить в море леща золотоперого и дай его царице съесть".

Вот поймали леща золотоперого, отдали в кухню изжарить; поварка вычистила, вымыла леща, кишки собаке бросила, помой отдала трем кобылам выпить, сама оглодала косточки, а рыбу царица скушала. Вот разом родили: царица сына, и поварка сына, и собака сына, а три кобылы ожеребились тремя жеребятами. Царь дал им всем имена: Царенко Иван, Поваренко Иван и Сученко Иван.

Растут они, добрые молодцы, не по дням, не по часам, а по минутам, выросли большие, и посылает Иван Сученко Ивана-царевича до царя: "Поди попроси, чтоб позволил нам царь оседлать тех трех коней, что кобылы принесли, да поехать по городу погулять-покататься". Царь позволил; они поседлали коней, выехали за город и начали меж собой говорить: "Чем нам у батюшки у царя жить, лучше в чужие земли поедем!" Вот они взяли купили железа, сделали себе по булаве - каждая булава в девять пудов, и погнались коней.

Немного погодя говорит Иван Сученко: "Как нам, братцы, будет путь держать, когда нет у нас ни старшего, ни младшего? Надо так сделать, чтоб был у нас старший брат". Царенко говорит, что меня отец старшим поставил, а Сученко - свое, что надо силу попробовать - по стрелке бросить. Кидают стрелки один за другим; сначала Царенко Иван, за Царенком Поваренко, за Поваренком Сученко. Едут не далеко, не близко - аж лежит Царенкова стрелка, немного подальше того упала Поваренкова стрелка, а Сученковой нигде не видать!

Едут все вперед да вперед - и заехали за тридевять земель в тридесятое царство, в иное государство - аж там лежит Сученкова стрелка.

Тут и порешили: Царенко будет меньшой брат, Поваренко - подстарший, а Сученко - самый наистарший, и пустились опять в путь-дорогу. Смотрят - перед ними степь расстилается, на той степи палатка разбита, у палатки конь стоит, ярую пшеницу ест, медовой сытой запивает. Посылает Иван Сученко Ивана-царевича: "Пойди узнай: кто в палатке?" Вот Царенко приходит в палатку, а там на кровати Белый Полянин лежит. И ударил его Белый Полянин мизинцем по' лбу - Царенко упал; он взял его да под кровать и бросил. Посылает Сученко Ивана Поваренка; Белый Полянин и этого ударил мизинцем по' лбу и бросил под кровать. Сученко ждал, ждал, не дождался; прибегает туда сам, как ударит Белого Полянина раз - он и глаза под лоб! После вынес его из палатки, свежий ветерок пахнул, Белый Полянин ожил и просит: "Не убивай меня! Прими за самого меньшого брата!" Иван Сученко его помиловал.

Вот все четыре брата поседлали своих коней и поехали пущами да рощами; долго ли, коротко ли ехали - стоит перед ними дом в два этажа под золотой крышею. Зашли в этот дом - везде чисто, везде убрано, напитков, наедков вдоволь запасено, а живых людей нет никого; подумали-подумали и положили пока здесь проживать - дни коротать. Утром три брата на охоту поехали, а Ивана-царевича дома оставили за хозяйством смотреть. Он наварил, нажарил к обеду всякой всячины, сел на лавке да трубку покуривает. Вдруг едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь саженой лита, и просит милостыни. Царенко дает ему целый хлеб; дед не за хлеб, за него берется, крючком да в ступу, толк-толк, снял у него со спины полосу до самых плечей, взял поволою натер да под пол бросил... Вернулись братья с охоты, спрашивают Царенка: "Никого у тебя не было?" - "Я никого не видал; разве вы кого?" - "Нет, и мы не видали!"

На другой день дома остался Иван Поваренко, а те на охоту поехали. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку - аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь саженой лита, и просит милостыни. Поваренко дает ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, поволою натер да под пол бросил... Вернулись братья с охоты и спрашивают: "Никого у тебя не было?" - "Нет, никого! А вы разве видели?" - "Нет, и мы не видали!"

На третий день дома остался Белый Полянин. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку - аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь саженой лита, и просит милостыни. Белый Полянин дает ему булку; он

не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, половою натер да под пол бросил... Приехали братья с охоты: "Ты никого не видал?" - "Нет, никого; а вы?" - "И мы тож!"

На четвертый день остался дома Иван Сученко. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку - аж опять едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь саженой лита, и просит милостыни. Сученко дает ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу - ступа и разбилась. Иван Сученко ухватил деда за' голову, притащил до вербового пня, расколол пень надвое да всадил дедову бороду в расщелину, а сам - в горницу. Вот едут его братья, меж собой разговаривают.

"Что, братцы, вам ничего не случилось? - спрашивает Царенко. - А у меня так рубаха совсем к телу присохла!" - "Ну, и нам досталось! До спины доторкнуться нельзя. Проклятый дед! Верно, он и Сученку содрал". Приехали домой: "А что, Сученко Иван, никого у тебя не было?" - "Был один нахаба, так я ему по-своему задал!" - "Что ж ты ему сделал?" - "Пень расколол да бороду всадил". - "Пойдем посмотрим!" Пришли на деда смотреть, а его и след простыл! Как попал он в тиски, начал биться, рваться и таки выворотил весь пень с корнем и унес с собой на тот свет; а с того света он приходил до своего дома под золотою крышею.

Братья пошли по его следам, шли-шли - стоит гора: в той горе ляда; взяли ее отворили, привязали до каната камень и опустили в нору; как достали камнем дно, вытянули его назад и привязали до каната Ивана Сученка. Говорит Сученко: "Через три дня как встряхну канат - сейчас меня вытягайте!" Вот опустили его на тот свет. Он вспомнил про царевен, что' покрали на тот свет три змия: "Пойду их шукать!"⁶

Шел-шел - стоит двухэтажный дом; вышла оттуда девка. "Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?" - "А ты что за спрос? Дай-ка мне наперед воды - глаза промыть, накорми меня, напой, да тогда и спрашивай". Она принесла ему воды, накормила, напоила и повела к царевне. "Здравствуй, прекрасная царевна!" - "Здравствуй, добрый молодец! Чего сюда зашел?" - "За тобою; хочу с твоим мужем воевать". - "Ох, не отымешь ты меня! Мой муж дюже сильный, с шестью головами!" - "Я и с одною, да буду воевать, как мне бог поможет!" Царевна его за двери спрятала - аж летит змий. "Фу, русска кость воня!" - "Ты, душечка, на Руси летал, русской кости напахал!"⁷ - говорит царевна, подает ему ужинать, а сама тяжело вздохнула. "Чего, голубка, так тяжело вздыхаешь?" - "Как мне не вздыхать! Четвертый год за тобою, не видела ни отца, ни матери. Ну что, если бы кто-нибудь из моих родных да сюда пришел, что б ты ему сделал?" - "Что сделал? Пил да гулял бы с ним". На те

речи выходит из-за дверей Иван Сученко. "А Сученко! Здравствуй; зачем пришел: биться или мириться?" - "Давай биться! Дми точок!" Змий дунул - у него стал чугунный точок с серебряными пругами, а Сученко дунул - у него серебряный с золотыми пругами. Ударил он змия раз и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил; царевна дала ему кольцо, он взял и пошел дальше.

Шел-шел - опять двухэтажный дом; вышла ему навстречу девка и спрашивает: "Чего ты, русский человек, коло нашего двора ходишь?" - "А ты что за спрос? Дай наперед мне воды - глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!" Вот она принесла ему воды, накормила его, напоила и к царевне проводила. "Чего ты пришел?" - говорит царевна. "За тобою; хочу с твоим мужем воевать". - "Куда тебе воевать с моим мужем! Мой муж дюже сильный, с девятью головами!" - "Я и с одною, да буду с ним воевать, как мне бог поможет!" Царевна спрятала гостя за двери - аж летит змий. "Фу, как русска кость воня!" - "Это ты по Руси летал, русской кости напахал!" - говорит царевна, стала подавать ужинать и тяжело вздохнула. "Чего ты, душечка, вздыхаешь?" - "Как мне не вздыхать, когда я ни отца, ни матери не вижу. Что б ты сделал, если бы кто-нибудь из моих родных сюда пришел?" - "Пил да гулял бы с ним". Иван Сученко выходит из-за дверей. "А, Сученко! Здравствуй, - говорит змий. - Чего ты пришел сюда: биться или мириться?" - "Станем биться! Дми точок!" Змий дунул - у него стал чугунный точок с серебряными пругами, а Иван Сученко дунул - у него серебряный с золотыми пругами; ударил он змия и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил. Царевна ему дала кольцо; он взял и пошел дальше.

Шел-шел - опять такой же дом с двумя этажами. Вышла навстречу девка: "Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?" - "Ты прежде воды дай - глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!" Она принесла ему воды, накормила, напоила и к царевне проводила. "Здравствуй, Иван Сученко! Чего ты пришел?" - "За тобою; хочу тебя у змия отнять". - "Куда тебе отнять! Мой муж дюже сильный, с двенадцатью головами!" - "Я и с одною, а его повоюю, коли бог поможет!" Входит в горницу, а там двенадцатиглавый змий дрыхнет: как змий вздохнет, так весь потолок ходоном заходит! А его сорокапудовая булава в кутку стоит. Иван Сученко свою булаву в куток поставил, а змиеву взял; размахнулся, как ударит змия - пошел гул по всему двору! С дому крышу сорвало! Убил Иван Сученко двенадцатиглавого змия, в пепел перепалил, на ветер перепустил. Царевна дает ему кольцо и говорит: "Будем со мною жить!" А он зовет ее с собою. "Как же я свое богатство брошу?" Взяла все свое богатство, в золотое яйцо своротила и отдала Ивану Сученку; он положил то яйцо в карман и вместе с нею пошел назад до ее

сестер. Подстаршая царевна своротила свое богатство в серебряное яйцо, а самая меньшая - в медное, и ему ж отдали.

Приходят они вчетвером до норы; Иван Сученко привязал меньшую царевну и встряхнул канат. "Как тебя, - говорит, - вытянут наверх, то покличь: Царенко! Он отзовется: га! А ты скажи: я твоя!" После привязал другую царевну и опять встряхнул канат, чтоб наверх тянули: "Как тебя вытянут, то покличь: Поваренко! Он отзовется: га! А ты скажи: я твоя!" Стал третью царевну до каната привязывать и говорит ей: "Как тебя вытянут, ты молчи - моя будешь!" Вытянули эту царевну, она молчит; вот Белый Полянин рассердился и, как стали тянуть Ивана Сученко, взял да и перерезал канат.

Сученко упал, приподнялся и пошел до старого деда. Дед его пытается: "Чего ты пришел?" - "Биться!" Начали воевать; бились-бились, устали и бросились до воды. Дед ошибся, дал Сученку сильной воды напиться, а сам простой выпил. Стал Иван Сученко осиливать; дед ему и говорит: "Не добивай меня! Возьми себе в погребе кремь, кресало да трех сортов шерсть - в беде пригодится". Иван Сученко взял кремь, кресало и трех сортов шерсть; вырубил огонь и припалил серую шерсть - бежит до него серый конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым столбом. "Много ль нужно времени, пока ты меня на тот свет вынесешь?" - "А столько, сколько нужно людям, чтоб обед наварить!" Сученко припалил вороную шерсть - бежит вороной конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым валит. "Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?" - "Люди пообедать не успеют!" Припалил рыжую шерсть - бежит рыжий конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым валит. "Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?" - "Плюнуть не успеешь!" Сел на того коня и очутился на своей земле.

Приходит до золотаря. "Я, - говорит, - буду твоим помощником!" Меньшая царевна приказывает золотарю: "Сделай мне к свадьбе золотой перстень!" Он взялся за ту работу, а Иван Сученко говорит: "Постой, я тебе перстень сделаю, а ты мне мешок орехов дай". Золотарь принес ему мешок орехов; Иван Сученко орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино колечко, вычистил и отдал хозяину. Царевна приходит в субботу за кольцом; глянула: "Ах, какое прекрасное колечко! Я такое отдала Ивану Сученку, да его нет на этом свете!" И просит золотаря к себе на свадьбу. На другой день золотарь пошел на свадьбу, а Иван Сученко дома остался, припалил серую шерсть - бежит до него серый конь. "Чего ты меня требуешь?" - "Надо на весильном доме трубу сорвать!" - "Садись на меня, заглянь в левое ухо, выглянь в правое!" Он заглянул в левое ухо, а в правое выглянул - и стал такой молодец,

что ни в сказке сказать, ни пером написать. Поскакал и снял трубу с дома; тут все закричали, перепугались, свадьба разъехалась.

Другая царевна принесла золото, просит кольцо сделать. Иван Сученко говорит золотарю: "Дай мне два мешка орехов, я тебе кольцо сделаю". - "Ну что ж? Сделай". Сученко орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино кольцо, вычистил и отдал. Царевна увидела кольцо: "Ах, какое славное! Я точно такое отдала Ивану Сученку, да его теперь нет на этом свете!" Взяла кольцо и зовет золотаря на свадьбу. Тот пошел на свадьбу, а Иван Сученко припалил вороную шерсть - бежит вороной конь. "Чего ты от меня требуешь?" - "Надо сорвать с весильного дома крышу". - "Сядь на меня; в левое ухо заглянь, в правое выглянь!" Он заглянул в левое ухо, выглянул в правое - стал молодец молодцом! Конь понес его так шибко, что сорвал с дома крышу; все закричали, принялись стрелять в коня, только не попали; свадьба опять разъехалась.

Вот и старшая царевна просит, чтобы ей колечко сделали. "Не хотела я, - говорит, - за Белого Полянина замуж идти, да, видно, бог так судил!" Иван Сученко говорит золотарю: "Дай мне три мешка орехов, я тебе кольцо сделаю". Опять орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино кольцо, вычистил и отдал. В субботу приходит царевна за кольцом, глянула: "Ах, какое славное колечко! Боже мой! Где ты достал этот перстень? Я точно такой отдала тому, кого любила". И просит золотаря: "Приходи завтра на свадьбу ко мне!"

На другой день золотарь пошел на свадьбу, а Иван Сученко дома остался, припалил рыжую шерстину - бежит рыжий конь. "Чего ты от меня требуешь?" - "Неси меня как хочешь, только бы нам вперед ехать - потолок на весильном доме сорвать, а назад ехать - Белого Полянина за чуб взять!" - "Сядь на меня, в левое ухо заглянь, в правое выглянь!" Понес его рыжий конь шибко-шибко. Туда едучи - Сученко потолок с дома снял, а назад едучи - ухватил Белого Полянина за чуб, поднялся высоко вверх и бросил его наземь: Белый Полянин на кусочки разбился. А Иван Сученко опустил вниз, обнялся, поцеловался с своею невестою; Иван-царевич и Поваренко ему обрадовались; все они обвенчались на прекрасных царевнах и стали жить вместе богато и счастливо.